

Мереке Кулькенов – прозаик, публицист, председатель Союза писателей Казахстана. Родился в селе Карабау Кызылкогинского района Атырауской области. Автор произведений «Шёлковый ветер», «Утренняя прохлада», «Үрей», «Жизнь и творчество Халела Досмухамедова», «Қазақстан» и других. Также его перу принадлежат пьесы «Махаббат мұнарасы» и «Жәңгір хан». Произведения переведены на несколько иностранных языков.

АЙМҮЙІЗ (ЛУНОРОГИЙ)

Рассказ

– Просыпайся, вставай, пойдем в хлев, – сказала бабушка, уткнувшись носом мне в ухо, согрев его теплым дыханием. – Надо посмотреть овец, которые вот-вот окотятся.

Мне не хотелось расставаться со сладким сном. С трудом приоткрыв правый глаз, я сморщил нос, наощупь нашел в темноте одежду и, кое-как натянув ее на себя, поплелся вслед за бабушкой. Засунув ноги в стоявшие в коридоре сапоги, вышел во двор.

Край ночи уже отступал, едва забрезжил рассвет. Вокруг всё казалось серовато-дымчатым, в нос ударил чистый, сладкий, свежий аромат утреннего воздуха. Я на мгновение закрыл глаза и замер, подставив лицо ласковому свету. Прохлада коснулась тела, и я сразу почувствовал себя бодрее. Чтобы не отстать от бабушки, которая всегда двигалась быстро и на редкость проворно для ее возраста, я засеменял к хлеву.

Внутри царили темнота и духота, пахло навозом. Слышались только жвачное пережевывание да сопение лежавших овец. Я нажал на выключатель. Бабушка стояла в дальнем углу хлева возле белой овечки, которая, тяжело дыша, лежала на боку и вздрагивала всем телом. Не успел я подойти, как бабушка, приговаривая:

– Бисмилла, Господи, помоги, – вытянула из нее совершенно беленького ягненка, завернутого в слизистую оболочку. Она закрыла ему глаза, руками очистила его тоненькие ножки, наполнила щеки воздухом, открыла крошечный ротик и несколько раз дунула в него.

Тот слабо проблеял:

– Ме-е-е, – и замычал.

И вдруг мне показалось, будто в темном хлеву вспыхнул золотой луч – совсем как в сказке «Керқұла атты Кендебай»¹, в которой батыр спас жеребенка с золотым хвостом.

– Вот, Муратжан, – сказала бабушка, возясь возле белой овечки, – вот что значит свой, чистый, выращенный собственными руками скот, которому ты сам помог родиться. В следующем году тебе исполнится тринадцать. У нас ведь не зря говорят: «В тринадцать – уже хозяин очага». Пусть этот белый ягненок станет твоим первым «ақ-адал малың».

¹ «Кендебай на коне Керкула» (каз.)

– А что такое «ак-адал мал», бабушка? – спросил я, ничего не понимая.

– Животное, которое ты сам растишь, кормишь, оберегаешь и за которым ухаживаешь, становится твоим ак-адал малың, сынок. Запомни: весь скот – дар, данный человеку Аллахом... Когда Аллах велел Ибрахиму принести в жертву своего родного сына Исмаила, тот безропотно исполнил повеление и привел сына на жертвоприношение. И тогда, довольный покорностью Ибрахима, Всевышний сохранил жизнь Исмаилу и послал с небес барана, которого и принесли в жертву вместо него. Вот почему овца среди четырех видов скота считается самой священной, – объяснила бабушка, очищая овечку от крови.

Моя бабушка знала множество историй. Неизвестно, когда и от кого она их слышала, но в ее памяти хранилось настоящее золотое сокровище – легенды, сказки, былины. Она могла рассказывать их без конца, словно черпала из неиссякаемого источника, подобного райскому Замзаму.

– Возьми лопату, отнесем и закопаем это, – сказала бабушка, складывая в таз что-то похожее на внутренности животного. – Это послед ягненка. Некоторые овцы после родов почему-то съедают послед...

Когда мы с бабушкой вернулись в хлев, белая овечка уже заботливо вылизывала своего детеныша. Белый ягненок, весь в слизи, неуверенно поднялся на ноги. Его задние ноги дрожали, но он потянулся к материнскому вымени.

– Посмотри, – улыбнулась бабушка, – вот она, жизнь. Еще немного потерпит – и начнет сосать молоко. А там, глядишь, чуток пройдет времени, и уже будет носиться по двору.

Вечером мы ели приготовленный из молозива белой овечки сытный суп – вкуснейший уыз-көже. За дастарханом бабушка сказала отцу, матери, братьям и сестрам, что белого ягненка она решила отдать мне.

С этого дня мы с ягненком часто бывали вместе и незаметно привязались друг к другу. После школы, сделав уроки, я сразу шел с ним играть. Он тоже любил меня по-особенному. Когда я возвращался из школы, издали замечал меня и бросался навстречу, словно спрашивая: «Ты пришел?», и звонко блеял: «Ме-е, ме-е!», при этом подпрыгивая на всех четырех ногах. Потом я своим ужасным голосом начинал петь песенку «Қошақаным»². Тогда он вытягивал шею, широко раскрывал глаза, настораживал уши и замирал. Каждый раз, когда я пел, он внимательно слушал.

Я вот что думаю: когда казахи хотят назвать глупого, недалекого человека, они говорят: «Как овца, даже запаха не различает» или «У него овца травы изо рта не возьмет». Мне кажется, этими словами они несправедливо обижают овцу. Конечно, за всех овец я заступиться не могу, но в том, что мой ягненок умный, пусть никто не сомневается.

Я баловал своего белого ягненка, как маленького ребенка. Иногда брал его на руки, иногда носил на шее. Однажды старший брат Медет увидел, как я несу ягненка на себе, и сказал:

– Мурат, ты вот что делай: каждое утро сажай ягненка на шею и приседай с ним пятнадцать-двадцать раз. А потом постепенно доводи количество приседаний до ста. Тогда, когда твой ягненок станет огромным бараном, ты всё равно сможешь его поднять... В горах Кавказа живут самые сильные люди, – продолжил он. – Они запросто поднимают на шею быка. Потому что с самого детства каждый день тренируются, поднимая на себе теленка.

Я свято поверил словам Медета и стал каждый день приседать, посадив ягненка себе на шею. Не знаю насчет кавказских силачей, но к лету ягненок заметно подрос: шея у него вытянулась, уши стали торчать в стороны, худые ноги сделались длинными и жилистыми, а сам он превратился в блестяще-

² «Мой ягненок».

го черноглазого худышку с рассеченной верхней губой. Поднимать его стало труднее. К тому же ягненок день ото дня хорошел, его курдюк округлялся, а сам он начал заметно набирать вес.

Однажды теплым осенним днем я, по привычке, попытался поднять своего белого барашка на шею, но не смог сдвинуть его с места.

Когда он был маленьким, я любил с ним бодаться. Он упирался своим выпуклым лбом в мою голову и изо всех сил толкался. Потом вдруг отступал назад, поднимал передние ноги, подпрыгивал, выгибал шею и снова с разбега бил меня головой. Я хохотал от удовольствия и не обращал внимания на его шалости. Но однажды, когда мы снова играли в бодание, он так сильно ударил меня, что у меня в глазах вспыхнули искры. После этого я перестал с ним бодаться.

В наших сказках, к примеру, в «Ер-Төстік» и «Керқұла атты Кендебай», батыры растут не по годам, а буквально по дням: через шесть дней смеются, через шестьдесят дней ходят, а через шесть лет становятся богатырями, превращаются в невиданных силачей, валят любого, с кем вступят в схватку, и одним махом вытаскивают из глубокого колодца верблюда. Я тоже мечтал, что к тринадцати годам стану таким же богатырем, как Кендебай. Но мои худые руки и узкие плечи вовсе не обещали, что из меня выйдет батыр. Зато мой вчерашний белый ягненок превратился в большого барана с курдюком размером с тегене – большую деревянную чашу, а на голове у него выросли два рога, похожие на месяц.

Следующим летом мой белый ягненок без труда побеждал в драках всех деревенских баранов, разгонял мелких овец. Ходил важно, расфуфырившись, высокомерно. Он был выше и крупнее своих ровесников и вообще вырос необычным животным. Даже деревенские собаки не решались бросаться и лаять на него. Кто знает, может, они его уважали. Разве люди не сторонятся человека с независимым характером – гордого, величавого, с чувством собственного достоинства?..

Эта весна выдалась необыкновенной. Едва растаял снег, несколько дней подряд лил холодный весенний дождь. Дождевая вода смешалась с талой, ручьи и низины разлились. А потом выглянуло солнце, и холмы покрылись красными и желтыми цветами, а вокруг расстелился ярко-зеленый ковер молодой травы. Степь наполнилась ароматами и превратилась в удивительный мир, где резвились ягнята, козлята, телята, жеребята, верблюжата.

Мы, деревенские дети, с утра до вечера не показывались дома, носились и играли на просторе. Нашей главной обязанностью и одновременно развлечением стало пасти скот.

Мой белый баран вырос еще больше, чем в прошлом году. Он горделиво потряхивал своими луноподобными рогами, внимательно оглядывал всё вокруг и вообще превратился в животное, не похожее на остальных. Правда, теперь он уже не играл и не резвился, как прежде. Всё чаще он, запрокинув рога, вытянув верхнюю губу и раздувая ноздри, смотрел на пасущихся овец, а потом вдруг начинал бить копытом землю. Мне казалось, что с каждым днем он худеет, становится всё более изможденным.

Однажды бабушка завела разговор:

– Этого белого барана Муратжана надо бы актап жіберу. А то зарывается в свою злость, весь яд в него пойдет, мясо станет невкусным. Завтра, если у Елеусиза будет свободное время, позовешь его.

Отец молча кивнул, глотнув чай.

Я сидел рядом, ничего не понимая.

– Что значит «актап жіберу»? – спросил я.

– Твоего барана собираются кастрировать, – шепнул мне на ухо Медет.

Елеусиз был нашим деревенским ветеринаром. Когда-то он работал главным ветеринарным врачом в совхозе, а образование получил в Алматы. В деревне он считался единственным человеком, который по-настоящему разбирается в болезнях и лечении скота. Пока существовал совхоз, он всё делал бесплатно. Теперь за работу просил небольшую плату. Иногда, получив пятьсот или тысячу тенге, прятал деньги в карман и, прищурив свой маленький правый глаз, говорил:

– Что поделаешь, забота о детях, о семейном котле.

Ранней весной жители деревни выстраивались к Елеусизу в очередь, чтобы он сделал скоту прививки от разных болезней. Бабушка говорила:

– Одно хорошо в Елеусизе: никогда не важничает и не говорит «не могу». Когда подходит твоя очередь, берет положенные деньги за животных и делает уколы.

Так-то оно так. Но всякий раз, когда Елеусиз должен был прийти прививать скот, хозяева накрывали дастархан и ставили на стол бутылку. Поэтому от ветеринара всегда пахло спиртным.

После того как он обходил скот и делал уколы, не спеша мыл руки, садился за дастархан, пил чай, с аппетитом ел, а потом опрокидывал одну-две рюмки и начинал:

– Казахская душа – в скоте. Наши предки, когда спрашивали друг друга о здоровье, говорили: «Мал-жан аман ба?» – «Здоровы ли скот и люди?» Потому что наши предки знали цену скоту.

После этого Елеусиз долго не замолкал:

– Что говорить, при советской власти степь была полна скота. Овцы, коровы, лошади, верблюды – тысячи, тысячи голов, куда ни посмотри. Тогда с нами, простыми людьми, всякий начальник считался. «Елеке, Елеке», – уважительно обращались. А нынешние частники: когда им нужно, позовут, заставят работать, сунут в руку какие-то гроши и говорят: «Ну всё, теперь иди»...

Он замолчал и принялся с аппетитом жевать жаркое.

– Елеусизжан, ну зачем ты так уныло говоришь? – вмешалась бабушка. – Разве всё село не на тебя смотрит? Слава Богу, благодаря тебе наши овцы от болезней и всякой заразы привиты. Целехоньки.

– Да, весь наш аул на вас с Асхатом, фельдшером, как на богов молится, – пошутил отец.

Елеусиз широко ухмыльнулся:

– Ну что, құрдас³, выпьем за здоровье народа? – И одним глотком опрокинул рюмку. Потом некоторое время сидел, нахмурившись, молчал. Затем снова продолжил: – Шеше⁴, вы же сами видите, сколько в деревне становится домов без скота. Особенно молодые семьи не хотят держать хозяйство. Мужья уезжают на вахту на полмесяца, а жены целыми днями только акаку-сәкәку⁵... – он презрительно махнул рукой. – Каждый день покупают в магазине порошковое молоко, сметану, айран, даже мясо. Не хотят сами корову доить, масло сбивать, курт варить. По-моему, в ауле дом без скота – это дом без души. Если так пойдет дальше, беда придет в казахское село. Как говорят по-русски – кранты. У меня сердце за это болит, құрдас! – Он снова опрокинул рюмку.

Через некоторое время Елеусиз вышел из нашего дома, переставляя ноги и прихрамывая, и, удаляясь, запел:

– Сағыз қайда, Жем қайда, Ойыл қайда?⁶ Где Сағыз, где Жем, где Ойыл? Острый меч да быстрый конь – вот что нужно для души!

³ Ровесник.

⁴ Мать, старшая по возрасту женщина.

⁵ Бездельничают.

⁶ Это знаменитые строки из известной казахской народной песни «Ақ ерке».

На следующий день Елеусиз пришел прививать скот в соседний дом. А к моему белому барану явился ближе к полудню. В руке он держал коричневую кожаную сумку, покрытую снаружи белесой пылью. Как всегда, ветеринар был навеселе, от него пахло лекарствами и спиртом, и он что-то напевал себе под нос.

– Ну, мальчик, веди в хлев, – сказал Елеусиз, широко улыбаясь. Его крупные передние зубы белели, от этого и без того некрасивое лицо казалось пугающим. И всё же в его неловкой улыбке было что-то по-своему честное и добродушное.

Когда он увидел моего белого барана, одиноко стоявшего в хлеву, глаза его округлились:

– Па-па! Да это же настоящий белый баран из сказки! Это не баран, а теленок какой-то! За всю жизнь такого огромного Шопан-ата⁷ не видел. Жалко ведь его будет. Как я его потащу? Не поднимется у меня рука, не поднимется!

Он поставил сумку на землю и сделал шаг вперед. Но мой белый баран, запрокинув голову и выставив вперед луноподобные рога, ринулся прямо на него.

– Ойбай, Мурат! Держи его! Еще убьет ненароком! – закричал Елеусиз и бросился прочь.

– Аймүйіз, Аймүйіз, – ласково заговорил я, обнимая барана за шею и поглаживая по спине.

Елеусиз, держа в руках веревку, осторожно вернулся в хлев.

– Ну, мальчик, держи его крепко за шею, – сказал он, обходя барана.

Как-никак ветеринар. Не прошло и нескольких секунд, как Елеусиз сумел повалить барана и, прижав его коленом, связать все четыре ноги. Затем достал из сумки целлофановую пленку, расстелил ее на земле и начал раскладывать инструменты.

– Сначала скальпель, потом зажимы. Нитку и иглу положим вот сюда, – бормотал он, напевая себе под нос. И тщательно, не спеша, протер инструменты спиртом.

Белый баран, словно почувствовав беду, изо всех сил рвался, пытаясь освободить связанные ноги. Елеусиз натянул на руки резиновые перчатки и сказал:

– В этом деле главное – стерильность. Тогда все будет о'кей, быстро заживет. Ну, мальчик, теперь обратим внимание на самое главное у твоего барана. Скажем «Бисмилла» и начнем. А ты держи его за голову и не смотри в мою сторону.

Вдруг баран резко вскинул голову и мучительно заблеял, чуть не сбив меня с ног. Я бросился к нему и изо всех сил прижал рога к земле. В ушах звенело, всё тело дрожало, внутри бушевало что-то страшное. Только когда я услышал веселый голос возившегося рядом Елеусиза:

– Па-па, вот это да! Вот это богатство, оказывается! – пришел в себя.

Белый баран лежал неподвижно.

– Мальчик, потерпи еще немного. Сейчас красиво зашьем, хорошенько обработаем йодом – и всё будет замечательно, – бодро сказал Елеусиз.

Я погладил белого барана по выпуклой морде и прошептал:

– Потерпи, потерпи...

– Вот только что был могучий баран, а теперь превратился в смиренного исека, – весело сказал Елеусиз. – Мурат, иди сюда, посмотри.

Я с опаской открыл глаза. На краю целлофановой пленки лежали два кровавых, еще теплых яичка размером с яйца индюшки.

⁷ Покровитель овец и мелкого скота в казахской мифологии.

– Обал-ай!⁸ – вырвалось у меня, и я закричал. Тело снова задрожало.

– Жизнь, мальчик, – печально сказал Елеусиз, кивнув на два кровавых комка. – Вместе с этими яичками погибло немало твоих будущих барашков. Эх... Вот оно, что называется: скот – наше пропитание. В конце концов всё это ради того, чтобы набить пустой желудок. Вырастишь, выходишь, от собак и волков убережешь, столько хлопот натерпишься, а потом приедет дорогой гость – зарежешь и поставишь на стол.

Он продолжал зашивать разрезанную плоть барана изогнутой иглой. А я молчал, чувствуя, как сердце заходится от волнения.

В душе я ненавидел Елеусиза за его слова. Хотелось сказать ему что-нибудь злое, выкрикнуть всё, что я о нем думаю. Но я только стиснул зубы и молчал, бессильно глядя мягкую шерсть лежавшего передо мной белого барана.

– Всё, мальчик, хорошо зашил. Йодом как следует обработал. Через неделю заживет. Только смотри, чтобы мухи не садились и черви не завелись. Вот этим иногда брызгай, – сказал Елеусиз и протянул мне флакон с каким-то средством.

Он развязал барана. Но тот так и остался лежать, не двинувшись.

– Что с ним? Он что, умер? – испуганно спросил я.

– Да нет. Сейчас встанет. Только запомни: теперь он уже не будет таким, как прежде. Теперь он обычный смирный исек.

Елеусиз снял резиновые перчатки, аккуратно собрал свои инструменты и осторожно положил два кровавых яичка в целлофановый пакет.

– Нам это еще пригодится, – усмехнулся он. Потом сел на землю, скрестив ноги, достал сигарету и сунул ее в рот. Чиркнул спичкой, закурил и жадно затянулся. Открыл резиновую пробку на бутылке со спиртом, сделал несколько глотков и снова закупорил ее.

– Думаешь, легко мне отрезать самое необходимое у самца? – заговорил он уже печально. – Думаешь, легко? Душу себе вынимаю каждый раз, когда приходится это делать. А людям, между прочим, такая процедура полезна.

Помолчав, он неожиданно снова оживился:

– Эй, мальчик, а знаешь, как по-другому называют самцов домашних животных?

– Кастрированного козла называют «серке», барана – «ісек», быка – «өгіз», жеребца – «ат», верблюда – «атан», – быстро перечислил я.

– Ай да молодец! – обрадовался Елеусиз. – Деревенский мальчишка, выросший среди скота, всё знает. А городские дети ни одного из этих слов не назовут. – Он задумался: – Недавно мы с Куляш, моей женой, ездили в Астану к сыну в гости. Там наш внук Дамир растёт, примерно твоего возраста. Я спрашиваю его про скот, а он даже близко ничего не знает. Щебечет по-русски, и всё. Что же с нами будет, мальчик, если так пойдет дальше? – он снова мрачно посмотрел на бутылку со спиртом. – Как ты думаешь, кто самое хищное, самое кровожадное существо на земле?

Я молчал.

– Человек, – ответил за меня Елеусиз. – Я считаю, человек – самый кровожадный зверь на свете. Посмотри: у самцов диких животных и птиц нет двух названий. Они есть лишь у самцов домашних животных. – он сделал паузу. – Потому что их мясо должно быть вкусным. Чтобы они были смирными, их приручают. И только самых сильных оставляют, а остальных, как твоего исека, вовремя кастрируют. Человек способен на всё.

Елеусиз снова сделал глоток:

– Еще в незапамятные времена цари и ханы, когда готовили молодых мужчин в прислужники своим женам, всех их кастрировали, как твоего бара-

⁸ Как жалко!

на. Превращали в безропотных рабов. Нет, мальчик, с человеческой жестокостью ничто не сравнится. И ведь до сих пор ничего не изменилось.

Елеусиз снова умолк. Белый исек, лежавший рядом, подогнул под себя ноги и свернулся.

– Ну что, Елеусиз-шырак, еще не закончил? – спросила бабушка, войдя в хлев. Ветеринар и белый исек медленно поднялись на ноги.

Елеусиз-ага оказался прав. После того как мой белый баран превратился в исека, он стал совершенно неузнаваемым. Перестал первым бросаться на других баранов, держался подальше от овец и пасаа отдельно от всех. Вернувшись с пастбища и напившись воды, ложился в тени хлева и тяжело дышал. За короткое время он так разжирел, что прежняя его крупность казалась теперь мелочью. И без того огромный курдюк стал еще больше, а походка сделалась тяжелой.

Он перестал, как раньше, бросаться мне навстречу. Теперь он возвращался с пастбища последним, медленно, величаво ступая своими тяжелыми ногами, время от времени встряхивая большой головой с закрученными рогами и густой шерстью...

В тот год моя старшая сестра Ылдай окончила школу. Она была одной из лучших учениц в своем классе, отличницей, на которую все возлагали большие надежды. Но во время экзаменов по одному предмету она получила четверку и из-за этого не смогла претендовать на золотую медаль. В доме поднялась суматоха. Мама расстроилась:

– Эх, жалко. Ведь могла бы поступить в институт без экзаменов.

Отец сказал:

– А что такого? Ну сдаст экзамены. Главное – знания у нее есть. А если что, разве Халиму, твою сестру, не назначили руководителем областного отдела образования? Как-нибудь решим, – произнес он с надеждой.

– Муратжан, иди сюда, – позвала меня бабушка и повела в хлев.

Она взяла белого исека за шею и сказала:

– Муратжан, это твой ақ-адал малың, твой собственный, честно выращенный скот. Вот тебе деньги.

Она положила мне на ладонь несколько медных монет.

– За Ылдай-апай скажи три раза: «Ақсарбас, ақсарбас, ақсарбас» и, обведя с этими словами кулак с монетами три раза вокруг головы исека, брось их в поле.

Я ничего толком не понял, но беспрекословно сделал то, что велела бабушка. Трижды произнес:

– Ақсарбас, ақсарбас, ақсарбас! – и бросил монеты за ограду.

– О Аллах, Создатель мой, пусть помогут нам усопшие предки, пусть поддержат нашу дочь, – прошептала бабушка и провела ладонями по лицу.

Я сделал то же самое. Мы вышли из хлева.

– Бабушка, а что значит «ақсарбас»? – спросил я.

Она мягко улыбнулась:

– Ах ты, мой хороший, мой смуглый ягненок. Сегодня ты совершил большое дело. Ты посвятил своего исека, своего белого барана, в жертву ради того, чтобы путь твоей сестры Ылдай был благополучным. Вот что значит «ақсарбас».

У меня дрогнуло сердце, по телу пробежала дрожь. Я не смог ничего ответить – в горле застрял комок. А потом пришла самая радостная весть, которую мы все с нетерпением ждали из Атырау – наша умница Ылдай, наша отличница поступила в Атырауский педагогический университет на факультет химии и биологии. Радости не было предела.

– Спасибо Халиме, – довольно сказал отец. – В знаниях Ылдай я и сам не сомневался. Но хорошо, когда рядом есть человек, который может помочь.

– Спасибо Аллаху, – вздохнула бабушка.

– Теперь надо подумать, как доставить скотину в город, – сказала мама, накрывая дастархан.

Я насторожился, услышав ее слова.

– Мы ведь с Муратжаном называли исека «аксарбас». Посмотрите, как он, – бабушка кивнула в мою сторону, – откормил своего исека. Жир с боков уже свисает. Кто купит, тот не пожалеет.

Теперь я всё понял и выбежал во двор. Белый исек спокойно лежал в тени хлева и пережевывал жвачку.

Атырау находился далеко от нашего Муқыра – примерно в двухстах километрах. Жители села обычно ездили в город поездом. Дороги были плохие, поэтому автомобиль мог отправиться в Атырау лишь тогда, когда из совхоза поступало специальное задание на грузовую машину. Все, кому нужно было по делам в город, садились на пассажирский поезд, который ежедневно ходил между Актобе и Атырау. Из Актобе он приходил в Муқыр около пяти вечера и стоял всего три минуты. Едва поезд останавливался, пассажиры хватали вещи и бросались к вагонам. Те, кто прибывал, тоже спешили выйти. Люди толкались, протискивались друг мимо друга, ругались, кричали, кто-то выходил из поезда, кто-то вбегал. А со стороны Актобе поезд прибывал в Муқыр около половины четвертого ночи. Сесть на него было невероятно трудно, потому что проводники, если в вагоне не было выходящих пассажиров, наглухо запирали двери и не открывали их.

После долгих разговоров решили отправить белого исека в Атырау товарным поездом. Отец сходил к начальнику станции и вернулся в прекрасном настроении.

– Ночью, в три часа, идет грузовой поезд. Там один вагон свободен. Туда и погрузим, – довольно сообщил он.

– Да как же так? – встревожилась бабушка. – Как мы одного барана отправим? Кто-то должен поехать вместе с ним, присмотреть за ним.

Старший брат Медет в это время косил сено в степи. Из мужчин дома следующим по старшинству был я. Бабушка, отец и мать посмотрели на меня, сидевшего у двери.

– А разве Мурат не сможет? – сказал отец, кивнув в мою сторону. – Пусть он и отвезет исека в город.

– Ойбай, да как же, – испугалась мама. – Как можно посадить ребенка одного в поезд? Вдруг что-нибудь случится с ним по дороге?

– Этот мой смуглый ягненочек уже совсем стал юношей, – ласково говорила бабушка. – Растет разумным мальчиком, умеет думать наперед. Что ни говори, а придется рискнуть. Пусть Мурат едет.

Они еще немного поспорили и в конце концов решили отправить меня.

Хотя я ничем не выдал своих чувств, внутри я обрадовался. Мне было приятно, что родители доверили мне такое дело. Меня переполняло чувство гордости. Они доверяли мне поездку в такую даль – в Атырау, за двести километров от дома.

Наше село имело две особенности. Оно находилось словно в большой впадине, и, наверное, поэтому каждое утро, едва вставало солнце, с юга начинал дуть сильный ветер. Вскоре он превращался в настоящую пыльную бурю, что невозможно было открыть глаза. А если прибавить к нему летнюю жару, становилось совсем тяжело. У человека, вышедшего из дома, пересыхало в горле и становилось трудно дышать. Порывы ветра забивали пыль в рот, нос и глаза, от чего слезы текли ручьем. Если посмотреть на Муқыр с вершины холма, то казалось, будто все дома, сараи, загоны для скота и сами люди стоят, упрямо сопротивляясь этому ревущему пыльному потоку, который яростно надвигается на них. Мне было непонятно лишь одно: почему этот сильный ветер и

пыльная буря не прекращаются всё лето. Я часто мечтал: «Вот если бы засадить наше село деревьями, как в русских лесах, которые показывают в кино!» Но тут же отказывался от этой мечты. Ведь если посадить столько деревьев, где взять воду? В нашем Мукыре воды не хватало. Жители покупали даже питьевую воду, и скот поили привозной водой. Одна машина-водовоз стоила полторы тысячи тенге.

Но у жителей Мукыра была своя, никому за его пределами неведомая радость – бархатная ночь. Стоило сумеркам опуститься на село, как пыльная буря, бушевавшая весь день, внезапно стихала. И тогда всё вокруг превращалось в волшебный мир. Люди выходили из душных домов, где от дневной жары окна были заклеены газетами, ужинали во дворе, на топчанах, а потом там же спали. Словно Тэнір⁹, желая вознаградить жителей Мукыра за дневные мучения, дарил им чудесную ночь. Село оживало: смех, разговоры, редкое мычание теленка, блеяние ягнят и козлят, жалобный крик верблюжонка, лай собак – все эти звуки сливались воедино и словно рассказывали о спокойной, безмятежной жизни нашего маленького аула.

Мы, дети, лежали под одним одеялом и смотрели на совершенно прозрачное небо. Мириады звезд и сияющая Луна будоражили наше детское воображение. Мы любовались Млечным Путем, Полярной звездой. В небе пролетали ракеты, оставляя за собой белый след, а их огни мерцали в темноте.

– Вон видите? Это ракета, выпущенная из России, – однажды приоткрыла нам краешек тайны недавно поступившая учиться Ылдай-апай. – Потом она упадет в песках Тайсойгана.

– Ойбай, а если она случайно упадет прямо на нас? – испуганно спросил я.

– Не бойся, – засмеялась сестра. – Всё рассчитано. Место падения находится в безлюдных песках. Это называется полигоном. Вокруг всё огорожено колючей проволокой, ни скот, ни люди туда не могут попасть. Там всё охраняют солдаты с автоматами.

За полночь жители, насытившись бархатной ночью и чистым воздухом, забывали о дневных хлопотах и спокойно засыпали...

Ночь, когда нам предстояло ехать в Атырау, тоже выдалась удивительной. Луна светила молочно-белым светом, звезды мерцали. От прохладного воздуха легко дышалось, от тихого ветерка по телу пробегали мурашки, и мы надели теплые куртки.

Мама пригласила домой шестерых друзей Медета. Потом попросила осла, на котором обычно развозили по селу почту, и привезла его вместе с телегой. Шесть парней окружили белого исека и кое-как, с огромным трудом погрузили его на телегу. Едва его водрузили, как осёл, опустив голову, вдруг резво припустил вперед. Он шел своей привычной дорогой к станции, мелко перебирая ногами. Мы плелись следом. Я про себя удивлялся, насколько быстро сегодня шел осёл, который обычно казался мне совершенно неповоротливым.

К счастью, поезд стоял на первом пути. Но дверь вагона находилась довольно высоко от земли. Будто предвидя это, ребята захватили несколько досок. Они положили их рядом, сделав своеобразный настил к двери вагона, и стали грузить белого исека. Один тянул за недоуздок, остальные толкали сзади. После нескольких попыток им удалось затащить барана внутрь.

Недоуздок они крепко привязали к металлической перекладине на стене вагона. Перед исеком положили три-четыре охапки сена, и вагон мгновенно наполнился ароматом свежескошенной полыни, типчака и ковыля. Чуть дальше поставили ведро воды. Затем меня подхватили под мышки и одним

⁹ Тенгри, Всевышний.

движением закинули внутрь вагона. Мама дала мне термос с чаем и еду, приготовленную в дорогу.

– Сынок, будь осторожен, – сказала она, и глаза ее наполнились слезами.

– Если сможешь, постарайся не спать, – предупредил отец, прокашлявшись. – Ты спишь крепко, ничего не услышишь и не почувствуешь.

Поезд протяжно свистнул. Вагоны загрохотали и медленно двинулись. От неожиданного рывка белый исек чуть не упал. Пошатнувшись, тут же лег на прежнее место и принялся жевать сено. Я придвинул ведро с водой к стене, устроил себе место для сна. Постелил сено, сверху разложил куртку и лег.

Огромный товарный вагон казался бесконечным. В каждом его углу зияла непроглядная чернота, от которой становилось не по себе. Было душно. От друзей я не раз слышал, что ночью в таких темных пустых углах собираются джинны и черти, которые способны свести человека с ума. Мне стало страшно. А белый исек спокойно лежал и пережевывал сено. Колеса поезда мерно били по стыкам рельсов: «дүрс-дүрс, дүрс-дүрс». Вагон гремел, скрипел и звенел, словно сочинял какую-то песню. И вдруг, о боже, мне послышались какие-то знакомые и одновременно незнакомые голоса. Даже показалось, будто в темноте мелькают человеческие силуэты. Да, именно так. Из темного угла вагона вдруг показались знакомое лицо. Светлое, благородное лицо человека с четко очерченными бровями и усами, в круглой меховой шапке. Это был Сакен Сейфуллин. Он неторопливо перебирал струны домбры и пел:

– «Мен келем тау ішінде...»¹⁰

«Какой у него глубокий, красивый голос!» – Словно он тоже ехал в этом вагоне пыток¹¹.

Из второго темного угла показался еще один знакомый. Он читал низким, звучным голосом:

– «Мен жастарға сенемін!»¹²

Из третьего угла появился человек в очках. Поправив их, он начал читать:

– «Жайықтың бойы майлы киян...»

Это был сам Халел Досмухамедов. Я совсем перестал бояться. Раскрыв рот от изумления, смотрел в темные углы вагона. И тут поезд начал замедляться. Колеса загрохотали, вагон содрогнулся и резко остановился. Призраки исчезли. Через некоторое время я услышал: «тык-тык, тык-тык». Я понял: мы остановились на очередной станции. Рабочие железной дороги проверяли колеса вагонов, постукивая по ним молотками.

Вдруг снаружи послышался шорох. К вагону приблизился человек с фонарем и заглянул внутрь. Я испугался, вскочил и направил свой фонарик прямо на него.

Передо мной оказался какой-то черноволосый мужчина с редкой бородой и широко раскрытыми глазами. Я его узнал. Это был один из многочисленных моих дядьев по матери, который иногда приходил к нам домой попить чаю.

– Эй, убери свой фонарь! – сказал он, прикрывая глаза рукой. – Ты откуда взялся?

– Из Муқыра, – ответил я громко.

– Уа, ну и ну! Ночью в товарном вагоне катаешься? – он усмехнулся и направил фонарь мне прямо в лицо.

¹⁰ Начало знаменитой казахской песни «Тау ішінде» («В горах»), написанной С. Сейфуллиным.

¹¹ Речь идет о знаменитом романе С. Сейфуллина «Тернистый путь», описывающем «вагон смерти».

¹² «Я верю в молодёжь» – культовое стихотворение выдающегося казахского поэта-романтика и лидера движения «Алаш» Магжана Жумабаева.

– Я не катаюсь. Я еду.
– Ну тогда счастливого пути. Куда направляешься?
– В Атырау.
– А чего не сел в пассажирский поезд, а прицепился к товарному? Или отец у тебя такой скряга?
– Скотину везу в город.
– Что-о?!

Он начал водить фонарем по пустому вагону.
– Мэссаған!¹³ Ты что, вот этого огромного барана везешь?
– Это не баран. Это исек.
– Всё равно. А ты чей сын?
– Абена.
– Мэссаған, вот так встреча! Так ты сын моей сестры Тансулу! Недавно слышал, что ваша старшая дочь поступила учиться. Теперь понятно...
Он почесал редкую бороду:
– Понятно теперь, куда этого исека везут. – и снова посмотрел на меня. – Говорили, что у твоего отца язык – что нарыв, а сын у него такой же острый на язык. Так это ты, что ли?
– Может, и я.
– Тогда докажи. Скажи-ка что-нибудь.
Раз уж сам напросился, чего мне было его жалеть?
– Не стой тут, как тень от вялого достоинства коня, проваливай к черту! – выпалил я, стараясь говорить как можно грубее.
– Вот это да! – изумился он. – Ну ты даешь! – потом расхохотался: – Ладно, ладно! Хватит!

Он еще смеялся.
– Молодец, племянник. Понравилась мне твоя шутка. Счастливого пути.
Он уже собирался уходить, но вдруг остановился:
– Сейчас поезд остановится в Жамансоре. Там опасности нет. А вот в Макате и Доссоре ночью много воров и всякого люда. Будь осторожен, смотри, как бы не лишился своего исека, – он ткнул пальцем в сторону барана. – Если кто-нибудь заглянет в вагон, не церемонься – сразу бей в лоб, понял?

С этими словами дядя спрыгнул с вагона. Поезд гуднул и тронулся. Я сидел и думал: «В Макате и Доссоре быть осторожным. А что мне, собственно, делать?» В голове одна за другой начали возникать разные картины. Представлял, будто в вагон забираются четверо здоровенных мужиков, от одного вида которых становится страшно. Вот самый здоровый, чернявый и рябой, подходит ко мне. Я со всей силы бью его прямо в лоб – и он валится без сознания. Второй, длинный блондин, бросается на меня, а я ударяю его в живот и переворачиваю через голову. Третьего, коротышку, бью ногой по ногам. Он падает и начинает корчиться от боли. А четвертый, увидев всё это, убегает. Я поворачиваюсь к троице и кричу:
– Пока живы – убирайтесь отсюда! – поднимаю над головой палку.
А они ползают передо мной:
– Всё, брат! Всё! Прости, брат! Прости! – и, таща друг друга, вываливаются из вагона.

Я еду дальше и страшно собой горжусь. Но стоило поезду остановиться, как сердце начало колотиться: «дүрс-дүрс, дүрс-дүрс». Я со страхом смотрел на зияющую дверь вагона. Лишь когда поезд трогался, облегченно вздыхал:
– Уф... – потом смотрел на палку в своей руке. Потом на свои худые, тонкие запястья. Я сжимал палку, которая была намного толще и тяжелее рук,

и вдруг меня пронзила мысль: «Куда же я везу моего белого исека?» От этой мысли стало страшно, спина покрылась потом. Почему я раньше об этом не подумал? Ведь я везу его для того, чтобы кто-то его зарезал. Неужели я сам собственными руками везу на смерть белого исека, которого сам вырастил и выкормил?..

В горле застрял комок, мне захотелось плакать. Подумать только, люди держат и выращивают скот ради того, чтобы набить пустой желудок. Тогда почему наши предки говорили: «Малды берсең койды бер, ұлды берсең ойлы бер...» – «Если даешь скот – дай овцу, если даешь сына – пусть будет разумным»? Или сама природа сделала человека хозяином мира лишь для того, чтобы он мог делать всё, что приходит ему в голову – заботиться о животных, а потом приносить их в жертву ради собственного пустого желудка?

Ответов на эти вопросы я не находил. Погрузившись в эти мысли, почувствовал, что голова стала тяжелой, словно огромный котел. Мне сделалось пусто и тоскливо. В этот момент белый исек вдруг поднялся на ноги.

Его копыта громко застучали по полу вагона. Он долго мочился, затем забросал пол пометом. Душный вагон мгновенно наполнился резким запахом мочи и навоза. Мне резануло глаза, заставив их слезиться. Я словно очнулся.

Белый исек, пережевывая жвачку, немного отодвинулся в сторону и снова с грохотом улегся. «Вот же беззаботное создание», – подумал я и понемногу успокоился.

Я, оказывается, уснул. Разбудил меня резкий толчок: поезд с грохотом и лязгом остановился. Рассвело. В дверной проем вагона пробивались первые нежные лучи поднявшегося солнца. Вейл прохладный августовский ветерок. Вскоре я почувствовал знакомый запах железной дороги – густого машинного масла. Где-то в стороне слышались приглушенные голоса людей, вероятно, железнодорожников.

– Осторожно! С шестого пути грузовые вагоны сейчас будут отправлены в тупик. Осторожно! – раздался вялый, усталый женский голос.

Наш вагон дернулся и покатился вперед. Я взял охалку полыни и стал выметать из вагона катышки помета Аймүйіза, выбрасывая их за дверь. Тишину нарушил звонкий, хорошо знакомый голос:

– Наверное, это тот самый вагон.

Я сразу узнал голос родной сестры Ұлдай. Обрадовавшись, бросился к двери и выглянул наружу. Навстречу вместе с группой молодых парней шла Ұлдай. Я едва узнал ее. Всего два месяца назад, когда она уезжала из аула поступать в институт, это была обычная деревенская девчонка – невысокая, худенькая, с двумя косичками, перевязанными белыми бантами, в голубом платье с приспущенными на плечах рукавами. А теперь передо мной предстала настоящая красавица: на ней было платье из легкой ткани, усеянное красными цветами, на ногах – туфли на высоких каблуках. Толстую косу она перебросила вперед, на правое плечо. Ее светлое лицо сияло, большие глаза, похожие на чаши, улыбались, а высокий лоб блестел на солнце. Она шла, слегка покачивая стройными ногами, окруженная парнями, которые буквально заглядывали ей в рот. Как же изменилась моя вчерашняя скромная сестра! Подойдя ближе, она звонко рассмеялась:

– Привет, Мекеш! Ну что, благополучно добрались?

Я всё еще не мог отойти от удивления и лишь кивнул.

– Эй, парень, а где овца? – спросил один из молодых людей, поставив ногу на подножку вагона.

– Здесь, – равнодушно ответил я.

Парень заглянул внутрь и, увидев лежавшего там огромного Аймүйіза, закричал от удивления:

– Ни фиги себе! Это же не овца, а кабан какой-то!

Остальные парни тоже повисли на дверях вагона, заглядывая внутрь и возбужденно переговариваясь.

Аймүйіза с трудом вытащили из вагона. «С виду – настоящие горожане, наверное, за всю жизнь скотины не видели», – подумал я.

– И что теперь делать? – растерянно переговаривались они.

– Вот, привяжите ему на шею, – сказал я и бросил им повод.

Самый бойкий из них стал завязывать веревку на шее Аймүйіза.

– Ну всё, мы пошли, Ұлдай. Встретимся после обеда в университете. А эту овцу давайте поскорее доставим хозяину, – сказал тот же парень, взявшись за веревку.

«Хозяину?! – Сердце у меня ёкнуло. – Неужели всё? Неужели я сейчас навсегда расстанусь с Аймүйізом?» Глаза наполнились слезами. Аймүйіз, ничего не понимая, спокойно смотрел на меня.

– Ну, пошли, – потянул за веревку парень.

Аймүйіз вскинул голову и даже не сдвинулся с места.

– Эй, чего стоите? Погоните его! – крикнул парень, дергая веревку.

Остальные принялись подталкивать Аймүйіза, приговаривая:

– Тш-ш-ш! Тш-ш-ш!

Один из них раздраженно пробормотал:

– Ну и упрямый же баран!

И вдруг другой, потеряв терпение, пнул Аймүйіза ногой в круп.

– Убери ногу! – закричал я. – Разве скотину бьют?

– А ты чего такой? – недовольно посмотрел на меня тот. – Если не идет, что с ним делать?

– Казах скотину не бьет. Скотина ведь тоже имеет святую силу – кие. Тебя может настигнуть ее проклятие, – спокойно ответил я.

Парни неловко переглянулись. Я быстро достал из кармана два кусочка сахара.

– Вот, возьми. Поднеси к его морде – сам пойдет.

Действительно, увидев сахар, Аймүйіз довольно заблеял и сразу двинулся вперед. Он даже не обернулся на меня.

«Ах ты, мой бедный, белый Аймүйіз... Я снова тебя обманул», – я глядел ему вслед и захлебывался слезами.

Художественный перевод Натальи Горячевой

